

№ 9.

Н. Устряловъ.

Революція и Война.

Цѣна 20 коп.

Тип. Акц. Общ. «Печатное Искусство».

Революція и война.

I.

Припоминая послѣдніе годы нашей національно-исторической жизни, нельзя не притти къ заключенію, что *великую русскую революцію породила прежде всего великая европейская война*. Не будь этой войны, старая власть доселѣ хозяйничала бы на русской землѣ, „правила" бы врагамъ на радость, собственному народу на страхъ, потомкамъ въ назиданіе. Попрежнему на престолѣ благополучно пребывалъ бы Николай II, окруженный Горемыкиными, Штюрмерами, Щегловитовыми и прочими знакомыми лицами бюрократической компаніи. Вѣроятно, все такъ же прекрасно, какъ раньше, чувствовалъ бы себя среди вина и благочестивыхъ поклонницъ старецъ Григорій Ефимовичъ, процвѣтали бы Питиримъ, „Карлычъ", „Аннушка"—всѣ эти темные призраки недавняго прошлаго. По старому наемные клевреты провозглашали бы святость „исконныхъ основъ", Дума „законными средствами" боролась бы съ министрами, радуясь маленькими радостями и печалясь маленькими печалями, глухо стонала бы терроризированная печать—словомъ, все шло бы по обычному, тихо, ровно, по

могильному спокойно. И вѣковой гнетъ, лежавшій на русскомъ народѣ, лежалъ бы, какъ встарь.

Не будь этой войны, молчали бы глубины Россіи, и нашимъ народнымъ поэтамъ пришлось бы въ безконечныхъ варіаціяхъ перебирать давнишніе, безконечно близкіе русской душѣ мотивы:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа...

Или еще—старыя, старыя строки, которымъ скоро сто лѣтъ:

Я видѣлъ рабскую Россію:
Передъ святыней алтаря
Гремя цѣпями, склонивши выю,
Она молилась за царя...

Но вотъ все это разомъ кончилось, страшная черта перейдена. Грянула война, небывалая, потрясающая, творящая смертью новую жизнь, подводящая итоги и созидающая возможности. Всемірная исторія призвала Россію на всемірный судъ. Народъ подвергся великимъ испытаніямъ. Нужно было немедленно дать отчетъ и отвѣтъ въ прожитомъ, въ своихъ помыслахъ и дѣяніяхъ, въ своей внутренней сущности. Нужно было обнажить національное лицо, раскрыть національную „душу", какова она есть на самомъ дѣлѣ. Все случайное, нанос-

ное, или устарѣвшее, умершее должно было ветхою чешуею спасть съ народнаго облика. Дальше терпѣть, дальше смиряться предъ внѣшнимъ игомъ, жить дальше съ чуждою печатью на лицѣ, словно подъ историческимъ псевдонимомъ, оказывалось невозможнымъ. Нація вынуждалась опредѣленно явить себя, самоопредѣлиться. Сила исторической инерціи должна была быть окончательно и подлинно преодолѣна. Иначе „смиренная красота" превратилась бы въ образъ смертнаго покоя...

Лишь тотъ народъ достоинъ жизни и побѣды, который *лучше* противника, чья національная „идея" выше, совершеннѣе. Каждый великій народъ вѣритъ въ свою „идею", вѣритъ, что онъ нуженъ міру, что „слово" его призвано прозвучать громко и послужить на благо человѣчества. Каждый народъ, вѣрящій въ себя, готовъ защищать свое достояніе до послѣдней капли крови.

Когда Германія, ради идеи своего наступательнаго имперіализма, во имя своей національно-государственной идеи, ввергла міръ въ неслыханную кровавую распрю, русскій народъ, объединенный общимъ вдохновеннымъ порывомъ, безъ малѣйшаго колебанія всталъ на защиту своего національнаго достоянія. Вмѣстѣ съ доблестными союзниками своими, великими демократіями Запада, онъ рѣшительно провозгласилъ лозунгъ: борьба до побѣднаго конца. Нужно было въ корнѣ измѣнить то соотношеніе международныхъ силъ, которое постоянно таило въ себѣ возможность мірового пожара. Нужно было дать новыя основы всемірному миру.

Русскій народъ отчетливо созналъ *національный, всенародный* характеръ великой войны. Отказаться отъ нея значило итти на самоубійство, признать Германію достойной поработить человѣчество. Непротивленіе злу силою вещей означало потворство злу, содѣйствіе злому дѣлу. И Россія сразу всколыхнулась. Проснулось и съ особою остротою ощутилось чувство національнаго достоинства, которое врагъ мечталъ оскорбить и унизить. Пробудился и элементарный инстинктъ самосохраненія.

Первые дни войны являли собою отрадный примѣръ подъема и бурнаго національнаго воодушевленія. Казалось даже, что вся страна мгновенно переродилась и ветхія чешуи спали сами собой.

Власть ясно и твердо заявила о своей готовности бороться съ внѣшнимъ врагомъ. Царь далъ публичное торжественное обѣщаніе, что не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется на русской землѣ. Манифестъ призывалъ забыть „внутреннія распри“ и всѣмъ сплотиться воедино для защиты родины. Были экстренно созваны законодательныя учрежденія.

Русскій народъ открыто и честно пошелъ навстрѣчу власти. Ради напряженной серьезности момента онъ забылъ всѣ былыя обиды, онъ простилъ старое и всѣ свои силы самоотверженно отдалъ въ распоряженіе правительства, надѣясь, что и оно сумѣетъ въ эти великія минуты покончить съ прежнимъ, возвыситься до сознанія общенаціональныхъ задачъ...

Но этого не случилось. Слова царя остались лишь словами,—увы, не въ первый разъ за время его царствованія! Власть не отказалась ни отъ старыхъ идей, ни отъ старыхъ привычекъ. Не было сдѣлано ни шагу по пути реальнаго сближенія съ народнымъ представительствомъ и съ лучшими людьми страны. Режимъ не измѣнился. Даже на политическую амнистію, хотя бы частичную, не согласилась наша „благожелательная" власть. Требуя жертвъ отъ народа и общества, съ своей стороны она не считала нужнымъ прислушиваться къ народному голосу. Жертвы, принесенныя страною на алтарь отечества, она приняла на собственный свой счетъ. Она рѣшила, что веденіе войны не есть дѣло, въ которомъ нужны совѣтъ и дума всего народа. Старыми пріемами она надѣялась разрѣшить новыя задачи, исключительныя по своей грандіозности и отвѣтственнѣйшія по своему характеру.

Но дѣйствительность жестоко разрушила бюрократическія иллюзіи, и дорогою цѣною заплатила за нихъ Россія. Уже конецъ перваго года войны наглядно и ярко показалъ всю роковую неспособность официальной русской власти отстоять міровое достоинство родины. Вмѣсто ожидавшихся военныхъ побѣдъ, русскую армію стали постигать тяжелыя неудачи. Лишенная необходимѣйшихъ условій боевой силы, снарядовъ, орудій и ружей, она отступала, умирая, истекая кровью, безсильная пустыми руками остановить мощный натискъ врага. По милости военнаго министра Сухомлинова и неизмѣнно благосклоннаго къ нему императора Нико-

лая II, нѣмцы отвоевали Восточную Пруссію, очистили отъ нашихъ войскъ Галицію и проникли глубоко въ предѣлы Россіи. Десятки большихъ русскихъ городовъ одинъ за другимъ переходили въ непріятельскія руки. Пораженія слѣдовали за пораженіями. Доблесть русскихъ воиновъ могла лишь заставить ихъ геройски умирать съ горькимъ, мучительнымъ сознаніемъ безнадежной безполезности подвига...

Народъ содрогнулся отъ этого преступленія власти. Сотни тысячъ жизней невинно загублены, обезславлено отечество. Военный министръ оказался обманщикомъ народа, предателемъ арміи и едва ли не государственнымъ измѣнникомъ! Больно задѣто было національное самолюбіе, кровь безплодныхъ жертвъ требовала искупленія, врагъ угрожалъ всему будущему Россіи. Патріотическая тревога охватила широкіе слои общества и народа.

Здѣсь-то и начался послѣдній заключительный актъ длинной драмы нашего политическаго освобожденія, эпилогъ самодержавія. Хотя Сухомлиновъ въ силу необходимости и былъ смѣщенъ, но общее политическое положеніе пребывало въ прежнемъ состояніи. Безотвѣтственная власть продолжала свою слѣпую политику недовѣрія и раздора. Попытки общества и народнаго представительства измѣнить систему управленія не дали положительныхъ результатовъ. Всѣ средства были испробованы, но чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становилось, что царь ведетъ страну къ униженію, къ пораженію, къ разрухѣ. Началась дезорганизація тыла, пошли продовольственныя неурядицы. И тогда вмѣсто стараго лозунга „въ едине-

нія съ властью спасать родину“, народъ принужденъ былъ провозгласить другой лозунгъ: „спасать родину *помимо* власти и *вопреки* ей“. Правительство губило государство, обрекало народъ на голоданіе и позорно проигрывало войну; „петроградскій фронтъ“ сталъ самымъ опаснымъ и предательскимъ, самымъ уязвимымъ мѣстомъ Россіи. Медлить дальше было уже нельзя, дальнѣйшее „терпѣніе“ привело бы націю къ гибели. И революція свершилась быстро, единодушно, безболѣзненно.

Война окончательно, безповоротно доказала всѣмъ негодность стараго порядка. Полусамодержавная Россія не смогла справиться съ тѣми огромными задачами, которыя были поставлены передъ націей міровою войной. Теперь старый порядокъ свергнутъ, палъ петроградскій фронтъ, но нельзя ни на минуту забывать, что наши національныя задачи остаются тѣми же. Съ ними должна справиться демократическая Россія. Онѣ—первое испытаніе нашей молодой свободы.

Революція была прежде всего актомъ воли страны къ побѣдѣ. Безболѣзненность, изумительная „легкость“ переворота обусловливалась въ значительной степени его „военными“ мотивами. Онъ былъ проведенъ въ порядкѣ невиданно спѣшномъ, „по военному“. Сплотились всѣ русскіе граждане, безъ различія направленій и міровоззрѣній. Всѣ, для кого отечество не пустое слово, стали революціонерами. Революція превратилась въ патріотическій символъ, въ національный долгъ, въ кличъ побѣды.

Нынѣ исчезъ послѣдній и единственный оплотъ „пораженчества“—самодержавіе. Нынѣ всякій врагъ побѣды—сознательный или безсознательный врагъ свободы, равно какъ и всякій врагъ свободы — врагъ побѣды. Раньше находились люди, опасавшіеся, что счастливый исходъ войны можетъ укрѣпить въ Россіи прежній строй, между тѣмъ какъ внѣшнее пораженіе непремѣнно повлечетъ за собою его крушеніе. Теперь эти мнительные люди уже не имѣютъ почвы для какихъ бы то ни было опасеній.

Теперь положеніе обратное: побѣда укрѣпитъ на незыблемыхъ основаніяхъ новую русскую власть и новый русскій строй, *побѣда санкціонируетъ революцію*, а неудачный исходъ войны можетъ повлечь за собою реакцію и реставрацію. Если революція не достигнетъ своей непосредственной цѣли, не осуществитъ того лозунга, который обезпечилъ ей столь блестящій успѣхъ, если революція не сумѣетъ дать Россіи международное величіе,—ея дѣлу грозитъ огромная опасность.

Царь былъ свергнутъ прежде всего за то, что при немъ страна переставала вѣрить въ грядущее торжество надъ внѣшнимъ врагомъ. Что же будетъ съ революціей, если она въ этомъ отношеніи окажется не лучше царя?..

Нѣтъ, такого вопроса даже не будемъ и ставить.

Кто вѣритъ въ Россію, тотъ не долженъ допускать и мысли, что свободный русскій народъ окажется неспособнымъ осуществить свою національно-государственную миссію. Безконечно трудно ликвидировать плоды

разрушительной работы стараго режима. Но, какъ ни тяжело наслѣдіе самодержавія, какъ ни велика разруха, творческія силы народа *должны* и, значитъ, *могутъ* вывести отечество на свѣтлые пути.

Теперь судьба Россіи въ ея собственныхъ рукахъ. На всѣхъ насъ лежитъ прямая и непререкаемая отвѣтственность за будущее родины. Исторія ввѣрила, наконецъ, русское государство самому русскому народу, и народъ отвѣтитъ за него исторіи.

Война продолжается. Врагъ у воротъ. Врагъ могучъ, храбръ, уменъ. Мечомъ міровой войны порожденная, наша національная свобода можетъ отъ этого же меча и погибнуть. Не слѣдуетъ закрывать глаза на несомнѣнную опасность, нынѣ грозящую Россіи. Минутная, мимолетная слабость, случайное замѣшательство, — и внѣшній врагъ нанесетъ непоправимый ударъ освободившейся странѣ. *Нужно умѣть защитить свободу, нужно умѣть ее спасти.* Лишь тотъ народъ воистину великъ, который не только добываетъ, но и удерживаетъ свою свободу.

Обратимся къ поученію прошлаго. Обратимся къ Франціи, къ этому старому революціонному вулкану, очагу народныхъ переворотовъ, къ этой стихійно свободной странѣ, исконной провозвѣстницѣ и наставницѣ революцій. Вспомнимъ великую французскую революцію, и въ ея безсмертныхъ историческихъ образахъ почерпнемъ назиданіе, урокъ и примѣръ.

II.

Война съ внѣшнимъ врагомъ и въ то же время революція внутри страны—такое сочетаніе крайне осложняетъ какъ войну, такъ и революцію. Особый стиль пріобрѣтаетъ вся жизнь страны. Иначе ведется война, иначе ведется и революція. Великая нація должна благополучно завершить оба этихъ процесса, очистивъ войну подвигомъ революціи и закаливъ революцію огнемъ войны. Припомнимъ же, какъ велъ себя великій французскій народъ, когда ему пришлось ломать вѣковые устои монархіи подъ грохотъ орудій всей старой Европы, озлобленной и ополчившейся на революціонную побѣду.

Франція сумѣла завоевать себѣ свободу. Но нигдѣ, какъ во Франціи, эта свобода не пережила стольких потрясеній, столь прихотливыхъ и многообразныхъ превратностей. „Все прекрасное трудно", говорили древніе, и естественно, что не безъ тяжелой борьбы, не безъ терній и мукъ дается человѣчеству свобода.

Французское національное учредительное собраніе, рожденное революціоннымъ взрывомъ, создало конституцію государства (1791), которая обезпечивала народу дѣйствительное верховенство, суверенитетъ. Роль короля, „главы исполнительной власти", была сведена къ возможному минимуму. Франція превращалась въ демократію, формы этой демократіи были закрѣплены въ законѣ, и казалось, что революціи приходитъ конецъ, новый порядокъ воплощается въ жизнь.

Однако, дѣятельность учредительнаго собранія вызвала сильную оппозицію. Аристократія, лишенная сво-

ихъ привилегій и оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, покидаетъ родину и накапливается за границею, образуетъ тамъ ополченіе и побуждаетъ европейскія державы возстановить во Франціи старый строй.

Домогательства французскихъ эмигрантовъ встрѣчаютъ сочувственный откликъ въ иностранныхъ дворахъ. Демократія Франціи опережала Европу—вѣдь это было вѣкъ съ четвертью тому назадъ! — и внушала ужасъ монархамъ. Свобода заразительна, и ея враги боятся каждой ея побѣды. Реакціонная Европа готовилась раздавить молодую французскую вольность.

Вся революціонная Франція зажглась огнемъ національной гордости и патріотизма. Стало ясно, что козни эмигрантовъ покоятся на поддержкѣ иноземныхъ королей. Нужно было спасать свободу.

Австрія вооружалась, французскій дворъ безмолвствовалъ, народу самому оставалось позаботиться о себѣ. И народъ оказался на высотѣ положенія. Ему святъ былъ образъ освобожденнаго отечества, и свято оружіе, добывшее свободу.

„Маска падаетъ!—восклицалъ Бриссо въ законодательномъ собраніи.—Нашъ врагъ извѣстенъ: это императоръ! Принцы, владѣтели въ Эльзасѣ, защитою дѣла которыхъ онъ прикрывается, не что иное, какъ предлогъ для его ненависти; сами эмигранты — не болѣе, какъ его же орудія. Отнесемся съ презрѣніемъ къ этимъ эмигрантамъ. Свободный народъ не разитъ враговъ, стоящихъ на колѣняхъ. Бейте въ голову! голова — это императоръ!“

Собраніе прониклось настроеніемъ момента. Верньо, лучшій ораторъ Жиронды, явился вѣрнымъ выразителемъ чувствъ всей новой Франціи.

„Наша революція,—сказалъ онъ въ томъ же засѣданіи—породила тревогу при всѣхъ дворахъ. Она подала примѣръ уничтоженія деспотизма, который ихъ поддерживаетъ. Короли ненавидятъ наши конституцію потому, что она дѣлаетъ людей свободными, а они хотятъ царствовать надъ рабами. Не должно думать, что эта ненависть перестанетъ существовать; нужно, чтобы она перестала дѣйствовать! Наши границы защищаются не столько линейными войсками и національными гвардейцами, сколько энтузіазмомъ къ свободѣ. Свобода! съ самаго своего рожденія она составляетъ предметъ скрытной, позорной войны, которую съ ней ведутъ даже въ колыбели...

Они знаютъ, что ваши приготовленія къ защитѣ разорительны; они разсчитываютъ на упадокъ вашего кредита, на рѣдкость звонкой монеты, на утомленіе тѣхъ гражданъ, которые покинули и будутъ еще покидать женъ и дѣтей, чтобы бѣжать къ границамъ, тогда какъ милліоны, искусно расточаемые внутри страны, возбудятъ волненія, въ которыхъ народъ, вооруженный отчаяніемъ, самъ разрушитъ свои права, думая ихъ защитить. Тогда-то императоръ двинетъ страшную армію, чтобы наложить на васъ оковы. Вотъ война, которую съ вами ведутъ,—вотъ война, которую хотятъ съ вами вести.

Мнѣ кажется, что тѣни прошлыхъ поколѣній спѣшатъ въ этотъ храмъ, чтобы заклинать васъ во имя

всѣхъ несчастій, какія причинило имъ рабство, предохранить отъ него будущія поколѣнія, судьбы которыхъ въ нашихъ рукахъ. Услышьте эту мольбу, присоединитесь къ вѣчному правосудію, которое охраняетъ народы. Заслуживъ титулъ благодѣтелей своего отечества, вы заслужите также титулъ благодѣтелей человѣчества".

20 Апрѣля 1792 года война была торжественно объявлена королю Богеміи и Венгріи. Пруссія немедленно присоединилась къ Австріи.

Въ этотъ день французская революція вступила въ новый фазисъ своей исторіи: въ этотъ день она перешла за рамки явленія національнаго и пріобрѣла міровое значеніе.

Людовикъ XVI пожертвовалъ своими личными чувствами во имя конституціи и воли народа. Объявляя войну королямъ, онъ шелъ противъ себя; но, отождествляясь съ отечествомъ, онъ льстилъ себя надеждою на примиреніе съ народомъ. Народъ радостно привѣтствовалъ короля.

Кондорсэ прочиталъ съ парламентской трибуны проектъ манифеста къ націямъ. Вотъ его существо:

„*Каждая нація имѣетъ право давать себѣ законы и мѣнять ихъ по своему произволу.* Французская нація должна была думать, что столь простыя истины будутъ признаны всѣми государями. Надежда ея была обманута. Противъ независимости Франціи образовалась лига; никогда еще гордость королей не оскорбляла съ большею дерзостью національное величіе. Доводы, приводимые деспотами противъ Франціи, составляютъ только оскор-

бленіе для ея свободы. Эта оскорбительная гордость, далеко не устрашая Францію, можетъ только возбудить ея мужество. Чтобы дисциплинировать рабовъ деспотизма, нужно время; но каждый человѣкъ становится солдатомъ, когда сражается противъ тираніи".

Монархическая Европа объединилась противъ французовъ. Король прусскій восторженно прославлялся эмигрантами, населеніемъ городовъ, которые онъ проѣзжалъ, и прусскими войсками въ качествѣ спасителя отечества. Огненная надпись иллюминацій украшала его имя слѣдующими словами: „Viwat Villelmus, Francos deleat, jura regis restituat! Да здравствуетъ Вильгельмъ покоритель французовъ, возстановитель королевскаго права!"

Отъ имени герцога Брауншвейгскаго появилась прокламація, угрожавшая смертью всѣмъ національнымъ гвардейцамъ, которые будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ при защитѣ независимости и отечества, и обѣщавшая стереть Парижъ съ лица земли въ случаѣ малѣйшаго оскорбленія, какое могло быть совершено мятежниками противъ королевскаго величества.

III.

Для насъ несущественны сейчасъ отдѣльные эпизоды—даже и значительные—великой борьбы революціонной Франціи съ королевскою Европою. Намъ интересны въ ней тѣ черты, которыя могутъ заставить остро и все же какъ бы въ нѣкоторой исторической перспективѣ ощутить теперешнее положеніе нашей родины, —

тоже вѣдь молодой демократіи, сражающейся противъ все той же Пруссіи, страны юнкеровъ и королевскихъ традицій, страны принципіальной реакціи и возведеннаго въ долгъ монархизма...

И вотъ мы припоминаемъ настроенія Франціи послѣ объявленія войны. Близкіе намъ мотивы...

Людовикъ XVI вскорѣ же послѣ военныхъ дѣйствій повелъ опредѣленную анти-національную и контръ-революціонную политику. Въ общество стали проникать слухи объ измѣнѣ, гнѣздившейся въ дворцѣ. Говорили о существованіи тайнаго „австрійскаго комитета", душою котораго была королева. Говорили о секретныхъ переговорахъ короля съ иностранными дворами. И слухи подтверждались... Поднимался ропотъ и возмущеніе росло.

Война началась неудачно. Непріятель одержалъ рядъ успѣховъ надъ французской арміей. Націи приходилось сражаться на два фронта: къ борьбѣ съ коалиціей присоединилась борьба съ внутреннимъ врагомъ — своимъ собственнымъ королемъ. И очереднымъ лозунгомъ народа зазвучалъ лозунгъ: „покончить съ дворцомъ!"

Впервые въ широкіе круги французскаго народа стали проникать республиканскія идеи. Народъ увидѣлъ, что король не выполнялъ своей миссіи защитника Франціи отъ внѣшнихъ враговъ. Страна поняла, что въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ ей слѣдуетъ разсчитывать лишь на себя. Франція должна была спасти себя сама, потому что король не могъ спасти ее. Согласно формулѣ одного изслѣдователя, „*патріотизмъ, доведенный до отчаянія, порождалъ республиканизмъ*".

3 Іюля 1792 года законодательное собраніе, побуждаемое общимъ положеніемъ вещей, провозгласило „отечество въ опасности". Обосновывая это провозглашеніе, Вернью произнесъ рѣчь, направленную уже прямо противъ самого короля, истиннаго виновника національныхъ бѣдствій.

„О, король! — говорилъ онъ въ этой знаменитой, исторической рѣчи — вы, безъ сомнѣнія думали, вмѣстѣ съ тираномъ Лизандромъ, что истина стоитъ не больше лжи, и что нужно забавлять людей клятвами, какъ дѣтей забавляютъ побрякушками; вы притворялись въ любви къ законамъ только для того, чтобы сохранить за собою власть, которая послужила бы вамъ къ нарушенію ихъ, — притворялись любящимъ конституцію только для того, чтобы она не низвергла васъ съ трона, на которомъ вамъ нужно остаться, чтобы ее разрушить, — увѣряли въ любви къ націи только для того, чтобы обезпечить успѣхъ своихъ измѣнъ, внушая ей довѣріе; неужели вы думаете насъ обмануть и теперь? Значило-ли это защищать насъ, когда выставляли противъ иностранныхъ солдатъ такія силы, недостаточность которыхъ не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ неудачѣ? Развѣ насъ защищали, устраняя проекты, имѣвшіе цѣлью укрѣпленіе королевства, или подготовляя сопротивленіе лишь къ такому времени, когда мы уже сдѣлались бы добычею тирановъ? Было-ли это защитою насъ, когда не удерживали генерала, нарушавшаго конституцію, и сковывали мужество тѣхъ, кто ей служилъ? Развѣ также для нашей защиты постоянно парализовали

правительство безпрерывной дезорганизацiей министерства? Для счастiя нашего или для погибели предоставила вамъ конституцiя выборъ министровъ? Для славы нашей или для позора сдѣлала она васъ главою армiи? Нѣтъ, нѣтъ, вы не выполнили цѣли конституцiи. Она можетъ быть ниспровергнута, но вы не соберете плодовъ своего клятвопреступленiя. Вы не воспротивились формальнымъ актомъ побѣдамъ, которыя одерживались отъ вашего имени надъ свободой; но вы не соберете и плода этихъ позорныхъ трiумфовъ! Вы не значите больше ничего для этой конституцiи, которую такъ недостойно нарушили, — для народа, которому такъ низко измѣнили!“

Совершался быстрый и радикальный переворотъ въ правосознанiи народа: ореолъ монархiи исчезалъ, какъ дымъ. Низложенiе короля требовалось народнымъ благомъ, интересомъ и достоинствомъ отечества. И низложенiе совершилось: 10 августа 1792 года Людовикъ былъ свергнутъ революцiоннымъ народомъ и судьба монархiи была рѣшена.

Нацiональное собранiе декретировало, что французскiй народъ призывается образовать Нацiональный Конвентъ, король отрѣшался отъ власти, и вновь выработанная формула присяги гласила: „отъ имени нацiи, я клянусь поддерживать всѣми моими силами свободу и равенство или умереть на своемъ посту“.

Собравшiйся вскорѣ Конвентъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданiй „единодушно декретировалъ отмѣну королевской власти во Францiи“.

А на поляхъ сраженій въ это время назрѣвалъ благопріятный поворотъ. Войско соединило съ мыслью о республикѣ мысль о побѣдѣ.

Вотъ какъ описываетъ Оларъ пріемъ, оказанный республикѣ французскою арміей. Это описаніе поучительно, и да послужитъ оно назидательнымъ примѣромъ русскому революціонному войску:

„Эмиссары конвента, Карра, Пріёръ и Сильери, произвели смотръ арденнской арміи. Пріёръ, верхомъ на лошади, обратился къ солдатамъ съ республиканскою рѣчью. Онъ обладалъ „желѣзными легкими“, и его голосъ далеко разносился по долинѣ. Вся армія привѣтствовала республику. Только немногіе офицеры зароптали, а одинъ изъ нихъ осмѣлился сказать: „За кого же мы будемъ сражаться теперь?“ Пріёръ подъѣхалъ къ нему ближе и сказалъ: „Вы будете сражаться за ваши домашніе очаги, за вашихъ женъ и дѣтей, за націю и республику. Если у васъ нѣтъ ни намѣренія, ни мужества защищать это благородное дѣло, то уходите“. Они остались въ рядахъ, и арденнская армія могла безпрепятственно предаться республиканскому энтузіазму.

Эмиссары, состоявшіе при арміи генерала Монтескіу, писали 6 октября 1792 г. изъ Шамбери, что „патріотизмъ одинъ одушевляетъ этихъ храбрыхъ солдатъ свободы“ и что крики *Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ французская республика!* были единодушны“.

„Республика—говоритъ историкъ—появилась въ тотъ моментъ, когда побѣжденный непріятель началъ отсту-

пать. Для солдатъ она была олицетвореніемъ побѣдоноснаго патріотизма. Она олицетворила собою побѣдоносный патріотизмъ и для всей Франціи. Нація отстранилась отъ короля, потому что онъ не спасъ Франціи, и привязалась къ республикѣ, потому что, едва народившись, она уже восторжествовала надъ внѣшнимъ врагомъ и спасла Францію. Республика казалась наилучшимъ средствомъ національной защиты, потому что всюду получались одновременно извѣстія о томъ, что эта форма правительства уже установлена, и извѣстія, что непріятель побѣжденъ. Вотъ объясненіе этого быстраго поворота въ общественномъ мнѣніи, изъ монархическаго сразу ставшаго республиканскимъ“.

Франція сумѣла спасти себя. Солдаты свободы повѣдали о свободѣ всему міру. Съ лучшими войсками Европы сражались войска конвента, и тѣмъ не менѣе коалиція оказалась не въ силахъ уничтожить республики. Какъ не велики были ошибки революціонеровъ, какъ ни ужасенъ режимъ террора, есть нѣчто величавое и притягательное въ образахъ героевъ конвента. Пламенный, до конца идущій и ни передъ чѣмъ не останавливающійся патріотизмъ народа спасъ Францію въ тѣ тяжкіе дни и разъ навсегда запечатлѣлъ для исторіи величіе французскаго духа.

До какой степени отчетливо и трезво оцѣнивало революціонное правительство Франціи опасности, грозившіе извнѣ молодой французской свободѣ, можно убѣдиться изъ блестящей прокламаціи, съ которой обратился конвентъ къ солдатамъ 23 февраля 1793 года:

„Побѣдители при Вальми, Шпейерѣ и Аргоннахъ! Неужели вы допустите, чтобы погибло отечество, спасенное вами однажды?.. Если вы будете побѣждены — Франція станетъ посмѣшищемъ народовъ и добычей тирановъ... Ваше пораженіе покроетъ землю скорбью и слезами. Свобода покинетъ тогда печальный міръ и съ нею исчезнутъ надежды человѣчества. И еще долго спустя послѣ вашей смерти несчастные люди будутъ приходить, звеня цѣпями, на ваши могилы и надругаться надъ вашимъ прахомъ. Но если вы побѣдите, тогда — конецъ тиранамъ! Народы обнимутся и, устыдившись своихъ заблужденій, погасятъ навсегда факелы войны, а васъ назовутъ спасителями отечества, создателями республики и преобразователями міра...“

Да, французская демократія умѣла любить отечество. И недаромъ гимнъ свободы звучалъ въ ея устахъ какъ гимнъ оскорбленнаго и взволнованнаго патріотизма. Вспомнимъ послѣднюю строфу „Марсельезы“, прекрасную, какъ прекрасны идеи, ее вдохновляющія.

„О, священная любовь къ отечеству!
Сопровождай, подкрѣпляй нашу мстящую длань!
Свобода, дорогая свобода, сражайся вмѣстѣ съ
твоими защитниками!
Подъ наши знамена пусть побѣда
Спѣшитъ на твои энергическіе призывы,
Пусть твои гибнущіе враги
Созерцаютъ твое торжество и нашу славу!
Впередъ сыны отечества. Стройте ваши полки!
Въ походъ! И пусть нечестивая кровь оросить
наши штыки!“

Подъ звуки этого гимна Францiя и въ наши дни сражается за свою свободу и за свободу всего мiра. Тѣмъ съ большею гордостью видимъ мы ее въ станѣ нашихъ союзниковъ.

IV.

Передъ Россiей нынѣ открываются возможности безбрежныя, исключительныя по своей грандiозности. Наша демократiя получаетъ крещенiе, подвергается огненнымъ испытанiямъ. Исторiей вызванная къ жизни, она должна доказать свою жизнеспособность. Отъ ея государственной мудрости теперь зависитъ судьба родины.

Ясно и безспорно, куда должны въ данный моментъ направляться нацiональныя стремленiя Россiи. Нужно укрѣпить государство, создать единую и твердую власть, нужно положить конецъ разрухѣ. Нужно достичь такого мира, который прочно обезпечивалъ бы наше нацiональное процвѣтанiе и развитiе.

Цѣли войны остаются тѣми же. Возродившись внутренно, Россiя все же не перестанетъ быть великимъ мiровымъ государствомъ, и тѣ государственно-нацiональныя задачи, которыя указываются ей ея исторiей, пребываютъ неизмѣнными.

Прибавился лишь новый стимулъ борьбы за отечество: теперь уже никакими софизмами нельзя доказать, что русскому народу не нужна или „невыгодна“ война. Отнынѣ въ Россiи нѣтъ грани между властью и страною. Отнынѣ русское правительство и русскiй народъ — едино, и это единое есть русская *нацiя*. „Мы знаемъ, за

что мы теперь боремся“—говорятъ на фронтѣ русскіе солдаты, и они глубоко правы. Они борются за націю.

То же воодушевленіе, которое испытывали нѣкогда французскія революціонныя войска, превращаясь изъ „солдатъ короля“ въ „солдатъ свободы“, нынѣ должны переживать и русскія арміи. Патріотизмъ становится тѣмъ живѣе и беззавѣтнѣе, чѣмъ ближе и роднѣе образъ родины. Молодая русская республика больше скажетъ уму и сердцу русскаго человѣка, чѣмъ россійская имперія послѣдней эпохи.

Россія вступила на новый путь своей государственной жизни. Но революція не измѣнила и не могла измѣнить общаго направленія нашей международной политики. Революція лишь новыми узами скрѣпила Россію съ державами „согласія“: она окончательно превратила противогерманскую коалицію въ *коалицію великихъ демократій*. Военное выступленіе Америки и революція въ Россіи—послѣдній штрихъ въ картинѣ переживаемой нами международной борьбы. Отнынѣ „центральныя державы“ одиноки двойнымъ одиночествомъ — и въ смыслѣ международно-политической изоляціи, и въ смыслѣ изоляціи государственно-правовой. Борьба съ германизмомъ пріобрѣтаетъ характеръ борьбы съ міровою реакціонною силою, и побѣда согласія становится побѣдою всемірной демократіи.

Однако, нельзя не отмѣтить, что въ средѣ русскихъ „крайнихъ“ демократовъ подчасъ попадаются лица, которыя не понимаютъ и не хотятъ понять колоссальной важности нашей побѣды для дѣла свободы.

Долгій гнетъ деспотизма не могъ не отразиться на Россіи. Мракъ подполья ослѣпителенъ. И нечего удивляться, что нашлись среди русскихъ гражданъ люди, не въ достаточной степени подготовленные къ тому великому дѣлу, которое нынѣ призывается выполнить наша родина. Нашлись въ Россіи люди, политически мало воспитанные, а иногда и просто невѣжественные, но несмотря на это заносчиво претендующіе на опредѣленную активно политическую роль. Законныя дѣти стараго режима, они столь же слѣпы, какъ слѣпъ былъ онъ.

Въ ряду такихъ людей первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ представителямъ того своеобразнаго и крайне уродливаго явленія русской жизни, которое извѣстно подъ названіемъ „большевизма".

Въ отношеніи къ вопросу о войнѣ это явленіе русской жизни особенно ярко проявило свою природу. Кто не знаетъ знаменитаго лозунга „долой войну", неожиданно и скандально зазвучавшаго въ первые же дни нашей „свободы"? Кто не возмущался этимъ позорнымъ лозунгомъ?

Правда, единодушное возмущеніе всего русскаго общества вскорѣ заставило нашихъ доморощенныхъ миротворцевъ нѣсколько охладить свой первоначальный пылъ. Выкрики „долой войну" или совсѣмъ смолкли, или были „по-сенатски" разъяснены. Но все же тлетворный, разлагающій духъ и доселѣ вѣетъ въ извѣстныхъ русскихъ кружкахъ...

Этого не было во Франціи въ эпоху великой революціи. Дѣйственная любовь къ родинѣ тамъ была *фак-*

томъ столь непререкаемымъ, что патріотизмъ даже и не ставился тамъ, какъ *проблема*.

Впрочемъ, теперь другое дѣло: иныя времена—иныя пѣсни. Съ тѣхъ поръ вѣдь появился „интернаціоналъ“, и понятно, что идея интернаціонала не могла избѣжать и самобытнаго, истинно-русскаго „истолкованія...“

Болѣзненный „максимализмъ“, издавна присущій отдѣльнымъ русскимъ интеллигентамъ, выразился и въ опредѣленномъ взглядѣ на войну. Разъ сказано „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, значитъ, долой отечество, значитъ, война должна быть возможно скорѣе и во что бы то ни стало ликвидирована—такъ разсуждаютъ наши „пассифисты“, присоединяя къ своему необузданному максимализму чисто упадочный фанатизмъ.

Едва ли не безполезно спорить съ людьми этого типа. Все равно они никогда ничего не позабудутъ и никогда ничему не научатся. Ихъ близорукая прямолинейность, упрощенность и бѣдность ихъ міросозерцанія, пріемы ихъ выступленій сами достаточно говорятъ за себя...

Но здравый смыслъ русскаго народа не дастъ себя обойти ни фантазіямъ фанатиковъ, ни подстрекательствамъ провокаторовъ, ни болтовнѣ невѣждъ. Народъ сознаетъ, что ведущаяся нынѣ война не есть плодъ мелкихъ, частныхъ интересовъ или классовыхъ интригъ. Онъ понимаетъ, онъ чувствуетъ, что война ведется *всей* Россіей и что побѣда нужна *всей* Россіи.

Любовь къ свободѣ не исключаетъ любви къ отечеству. Напротивъ, исторія свидѣтельствуетъ, что ве-

ликіе дѣятели свободы были вмѣстѣ съ тѣмъ и великими патріотами. *)

Наша національная миссія должна быть осуществлена, должны быть возмѣщены разрушенія, совершенныя врагомъ—иначе получится миръ съ контрибуціями со стороны пострадавшихъ отъ германизма націй. Должна быть измѣнена карта Европы, сообразно принципу справедливости и устойчиваго равновѣсія. Ясно, что для всего этого необходимо прежде всего побѣдить Германію.

Наша доблестная армія является нынѣ главной надеждой Россіи. Ея боевая сила, ея надлежащая организація—залогъ и оплотъ національнаго величія. Всякая попытка внести разстройство въ ряды арміи, поколебать воинскую дисциплину—есть покушеніе на русскую свободу со стороны ея сознательныхъ или безсознательныхъ враговъ.

---

*) Здѣсь умѣстно припомнить прекрасныя слова Г. В. Плеханова изъ его рѣчи 2 апрѣля на съѣздѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,—первой его рѣчи, произнесенной по возвращеніи на родину

„Что значитъ соціалъ-патріотъ? Человѣкъ, который имѣетъ извѣстные соціалистическіе идеалы и въ то же время любитъ свою страну. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Я люблю свою страну и никогда не считалъ нужнымъ скрывать этого. Когда я теперь выражаю это прямо и открыто, я увѣренъ, что никто изъ васъ не встанетъ, чтобы сказать, что это чувство должно быть вырвано изъ моего сердца. Нѣтъ, товарищи, этого чувства любви къ многострадальной Россіи вы изъ моего сердца не вырвете".

Дезорганизующіе лозунги—преступленіе передъ родиной. Воля и мысль страны могутъ хотя бы на мигъ ими смутиться, малокультурные элементы могутъ ими соблазниться, злыя силы могутъ ими воспользоваться. Врагъ не дремлетъ.

Россіи жизненно необходимъ союзъ съ демократіями Запада. Это не только вопросъ нашей чести, но и голосъ нашихъ интересовъ. Разрывъ съ союзниками означалъ бы или нашу международную изоляцію, или нашъ переходъ въ орбиту германской имперіалистской политики. И первый, и второй исходы гибельны для государственно-національнаго дѣла Россіи.

Англія и Франція довѣряютъ намъ постольку, поскольку мы вѣрны своимъ обязательствамъ передъ ними. Планъ предстоящаго мира, подобно плану войны, долженъ быть установленъ сообща. Было бы позоромъ, еслибъ русская демократія откололась отъ общаго дѣла, и будетъ непростительнымъ легкомысліемъ, если русское государство не воспользуется всѣми плодами нашей грядущей общей побѣды. Этому не быть!

Необходимо положить конецъ наступательной политикѣ германизма на Балканахъ. Необходимо оградить Сербію отъ захватныхъ вожделѣній Австріи. Необходимо обезпечить свободу русской торговли на югѣ. Проливы должны перестать быть германо-турецкими.

Конечно, война ужасна. Военная усталость, несомнѣнно, ощущается повсюду съ огромною остротой. Разумѣется, миръ желателенъ, миръ настоятельно нуженъ. Но нельзя же не отдавать себѣ отчета въ реаль-

номъ положеніи вещей. Скороспѣлый миръ равнозначенъ нѣмецкой побѣдѣ. А нѣмецкая побѣда равносильна нашему національному рабству и гибели дѣла русской революціи.

Наивны попытки „протягивать руку" нѣмецкому народу, и недаромъ сознательныя части фронта смѣются надъ этой „революціонной маниловщиной". Неосновательны надежды на возможность революціи въ Германіи при настоящихъ условіяхъ. Исторія не знаетъ примѣровъ, чтобы побѣдная война прерывалась революціей, а вѣдь нельзя же отрицать, что *пока* Германія имѣетъ основаніе и право считать себя побѣдительницею въ текущей войнѣ. Побѣдителей не судятъ, и лишь по недоразумѣнію или по недомыслію можно думать, что страна захочетъ свергнуть правительство, приведшее ее къ побѣдѣ.

Только въ томъ случаѣ, если Германія окажется побѣжденною, можно разсчитывать на „отрезвленіе" нѣмецкаго народа. Всякій же преждевременный шагъ къ миру грозитъ лишь крушеніемъ дѣла демократіи. И тѣ „демократы", которые подобный шагъ предпринимаютъ, оказываютъ своему дѣлу поистинѣ медвѣжью услугу.

И любовь къ родинѣ, и любовь къ свободѣ согласно и категорически повелѣваютъ гражданамъ свободной Россіи напрячь всѣ силы для побѣднаго завершенія войны. Почетный миръ достойно увѣнчаетъ и оправдаетъ высшимъ оправданіемъ революціонный подвигъ русскаго народа.

Великія демократіи Запада не сомнѣваются въ грядущемъ успѣхѣ своихъ идей и принциповъ. Англія и Франція не сомнѣваются въ предстоящемъ пораженіи германизма. Ихъ арміи, во всемъ блескѣ неслыханной военной силы и во всеоружіи боевой готовности, уже грозно противостоятъ врагу. Всѣ англичане и французы — отъ Бальфура до Эрвэ — единодушны въ своемъ отношеніи къ войнѣ и побѣдѣ.

И только поведеніе отдѣльныхъ крайнихъ элементовъ русской демократіи внушаетъ нѣкоторое опасеніе нашимъ союзникамъ. Соціалисты западныхъ государствъ умѣютъ не только провозглашать хорошіе принципы, но и проводить ихъ въ жизнь, разумно считаясь со всею сложностью реальной обстановки момента. Пусть же и наши соціалистическія группы поучатся у своихъ старшихъ товарищей! Пусть эпизодъ съ театрально протянутой и неловко повисшею въ воздухѣ рукою послужитъ имъ мудрымъ предостереженіемъ и полезнымъ урокомъ!

Въ дни общенаціональнаго испытанія всѣ классы государства должны возвыситься до сознанія единства своихъ задачъ и цѣлей. Благо государства должно ощутиться, какъ высшій законъ. Только тотъ народъ достоинъ жизни и свободы, который въ моментъ тяжкихъ бѣдствій сумѣетъ защитить и оправдать свое національное достояніе передъ грознымъ трибуналомъ всемірной исторіи.

Апрѣль, 1917.